

«Русская душа (воспоминания ровесницы Победы)»

Я не участвовала в Великой Отечественной войне, никто из моего родственного клана также не участвовал по той простой причине, что все погибли до её начала или в период, пока она продолжалась, но не от пули и не на фронте, а благодаря «заботам» тов. Сталина, с которым у меня, как ни смешно сказать, «личные» счёты с самого детства.

Однако я родилась через два месяца после 9-го мая и являюсь, таким образом, ровесницей Победы. Родилась я в г. Кемерово, центре Кузбасса. В те времена Кемерово был похож не на город, а скорее на большой посёлок и начал приобретать черты настоящего города, когда я уже оканчивала начальную школу. Мои отец и мать были артистами, работали в Росконцерте и большую часть времени находились на гастролях. Я оставалась с бабушкой (матерью моей мамы), она меня вырастила и воспитала.

С жильём в Кемерово было очень плохо, и за все 11 лет, прожитые мной в этом городе, мы поменяли четыре местожительства. Но мне хочется рассказать об одной семье, с которой связано моё самое раннее детство. Это была семья Серковых. Там мы жили еще некоторое время после смерти моего отца в марте 1949 г. и уехали, когда мне, вероятно, пошёл седьмой год. Как мы нашли это жилище, я не знаю, но в этом возрасте я воспринимала его как свой родной дом.

Приютившая нас семья имела свою печальную историю. Родом все они были с Украины, попали под раскулачивание, были сосланы на Колыму, потом как-то получили «прощение» и разрешение на проживание в Сибири (за Уралом). Как они попали именно в Кемерово, не знаю, т.к. была мала и всяческие вопросы мне, естественно, не приходили в голову. Семья была многочисленная: отец, мать, три дочери и десять сыновей, а еще из родившихся двое или трое умерли в детстве. Уже потом через свою бабушку я узнала, что село, где все они жили, было большим и зажиточным, а у них самих был и дом, и три коровы, и несколько лошадей, и всякая домашняя скотина – овцы, козы, куры, гуси. Хозяйка рассказывала, что у них всего было вдоволь, потому что они работали на совесть, не пили. Никаких работников со стороны никогда не нанимали, обходились своим собственным трудом. Конечно, если судить с современной точки зрения, то получается хорошая, дружная, «материально заинтересованная» животноводческая и полеводческая бригада. Бывало, они все едут, уже наработавшись, с поля, а многие односельчане только-только глаза продирают и в поле собираются. Как это и бывало, в период раскулачивания именно эти лентяи и пьянчужки были в первых рядах тех «пролетариев» и «батраков», которые вламывались в дома «кулаков», поливали их грязью в глазах

уполномоченных властей, писали доносы и старались поживиться чем-либо от чужого добра. В те поры самая старшая дочь Мария выходила замуж за какого-то инженера из Харькова, она там и осталась, потом её семья - она, муж и их сын-школьник – приезжали как-то навестить мать и сестёр в Кемерово, и я их помню.

Ко времени моего рассказа «прощённые», осев в Кемерово, построили себе дом – добротный, деревянный, просторный, на высокой подклети. Вокруг дома имелся большой участок земли, где стоял сарай для скотины, а вокруг был прекрасный сад с яблоньками, вишнями, липами, ягодными кустами и огород, где росли и давали богатый урожай картошка, свёкла, морковь, капуста, всяческая зелень и пр. В дом вело высокое крыльцо (ступенек 7 или 8), просторные сени с печуркой, из них вход в кладовку, где хранились сладкие припасы (варенье и пр.), потом прихожая, откуда одна дверь вела в самую маленькую комнату, сдававшуюся нам, а другая – непосредственно на хозяйскую половину. И там была одна очень большая комната с русской печью при входе, большим длинным деревянным столом и такими же деревянными длинными лавками по обе его стороны, куда усаживалась, бывало, вся семья. А уже из этой комнаты была еще одна дверь, за которой находились две смежные небольшие комнаты – спальни. Посередине первой, большой комнаты в полу был люк с кольцом, там был подпол, где хранили зимой картошку, квашеную капусту, домашние колбасы, солёные и маринованные припасы, другие овощи. В сарае на дворе держали свиней, осенью кого-то из них резали и делали эти колбасы, вкуснее которых я никогда ничего больше не ела. В подклети хранился весь крестьянский инвентарь – лопаты, грабли, мотыги, пилы, топоры и др. Пол во всем доме был деревянный, и его регулярно мыли, скребли голиками, так что он был белый и блестящий. В одном углу при входе в большую комнату стояла узкая железная кровать с блестящими шарами на спинках, здесь спала хозяйка дома, а в другом углу, напротив входа, находился старый, потемневший киот с иконами в два ряда, а под ними на самой нижней полочке – шкатулка, о которой будет речь ниже. Вся территория дома была, как и в других домах, огорожена высоким деревянным забором без просветов, так что нельзя было видеть, что делается внутри. В Сибири это вообще было принято повсеместно. И только с одной стороны, уже из сада, забора не было, а была железная ограда из отдельно стоящих тонких и высоких чугунных столбов, между которыми была натянута колючая проволока в несколько рядов на всю высоту.

В доме жили хозяйка по имени Евфимия, но поскольку я не могла этого выговорить, я звала её просто «баба Хима», и две её дочери – старшая Елена и младшая, тёзка моей мамы, Татьяна (для меня – тётя Люля и тётя Таня). Все остальные обитатели дома – отец

и десять сыновей были призваны на фронт. На момент моего рассказа десять мужчин этой семьи уже были погибшими – отец и девять сыновей. Самый младший – Василий – был призван в армию уже почти перед Победой, в феврале или марте 1945 г.

Баба Хима – маленькая, сухонькая, очень сильно сутулившаяся старушка, всегда в каком-то чёрном ситцевом одеянии – юбка в пол и кофта- распустёха на пуговках впереди. На голове всегда беленький платочек в мелких цветных точках, такие платочки вплоть до конца 60-х годов женщины носили с собой в баню и надевали себе и детям по выходе из неё. Она всегда что-то делала, тихо, бесшумно, сновала взад-вперёд то с чугунами, которых было несколько штук разной величины – от ведёрного до самого маленького для моей каши. И ухваты были для каждого. То шинковала, мариновала, солила, варила, то что-то мыла, то рукодельничала, починяя одежду свою и дочерей, то прядла.

И только когда наступала ночь, и все уходили спать по своим местам, она доставала ту самую заветную шкатулочку, садилась на одну из лавок, спиной к входной двери, лицом к киоту, открывала её и вынимала пачку писем – солдатских треугольников и несколько конвертов. Это были письма её мужа и сыновей с фронта и похоронки на них. Она читала их при свете керосинки, наверное, плакала беззвучно, но лица её не было видно, а потом долго-долго молилась на коленях перед иконами. Я с детства плохо спала, часто вставала и выходила куда-нибудь, поэтому многократно это видела и вела себя тихохонько, как мышь.

Старшая дочь, т. Люля, была инженером (не знаю, где и когда она училась, наверное, заочно) на кемеровском азотно-туковом заводе. Через несколько лет она вышла замуж за музыканта из джазового оркестра, и у них родилось двое детей – Оксана и Дима, я их видела уже будучи школьницей, вероятно, они лет на 5-6 младше меня. Тётя Таня тоже работала, но где и кем, не знаю. Она была моей крёстной, но после нашего от них переезда мы виделись редко, а после нашего отъезда из Кемерово (в первых числах января 1957 г.) и получения известия о смерти бабы Химы все связи и вообще оборвались.

За упомянутой выше колючей проволокой находился лагерь военнопленных немцев и японцев. Наш дом был одним из нескольких, стоявших в коротком широком тупичке – Конном переулке. А неподалёку располагался Конный базар, куда ходили все жители города и мы с бабушкой тоже. Почему эти места так назывались, не знаю. В 2008 г. после многих лет ностальгии по местам детства я побывала в Кемерово, приютившая меня коллега, коренная кемеровчанка, пыталась вместе со мной обнаружить описываемые мной места, но всё оказалось напрасным: ни Конного базара, ни тем более такого переулка больше не существует. В нашем переулке было много ребят разного возраста – и старше, и

младше меня, но мы все играли вместе, носились, орали, сражались на деревянных палках, лазили по заборам, падали, разбивали в кровь лбы и колени, но не сдавались и продолжали в том же духе. Играли мы, конечно, в войну (не «войнушку»!), и не было человека, который бы не знал слов «Хальт!», «Хенде хох!» «Шисен/или: ниht шисен!», «Гитлер капут!». Ещё играли в «камушки» и в «чику», но не так часто. Самым же любимым занятием было наблюдение за пленными. Их было видно именно из нашего сада, поэтому все ребяташки толпой собирались у нас, и тут уже я была хозяйкой. Мы усаживались на траву, а весной и осенью на какие-нибудь поленья и часами смотрели, как пленных приводят с работ, куда их отрядами с охраной отправляли по утрам, как они переодеваются, чистят свою одежду, моются, ходят, разговаривают, во что-то играют. Японцы переодевались в чистое нижнее бельё, которое, по-видимому, напоминало им их кимоно, а грязное бельё стирали и вывешивали на верёвках для просушки, при этом долго и тщательнейшим образом разглаживали каждую складочку на рубашках и кальсонах, чтобы всё выглядело как глаженое. Немцы частенько играли на губных гармошках и тихонько пели что-то.

Через некоторое время в городе разнёсся слух, что жителям для производства каких-либо хозяйственных работ «выдают» «фрицев» в помощь. Это было здорово, т.к. мужчин почти не осталось, по крайней мере, в нашем переулке их вообще не было. И вот, все хозяйки отправлялись к коменданту лагеря и делали заявку на 1-2-3-4 человек пленных в зависимости от сложности и объёма работ, которые требовалось исполнить. Пленных отпускали по воскресеньям, т.е. в их выходной день, отпускали без охраны, понимая, наверное, что деться им всё равно некуда. Но самое главное, что и побудило меня написать этот рассказ, заключалось в том отношении, которое встречало этих пленных. Работы, ради которых делались заявки, были самыми примитивными, чисто домашними, которыми всегда занимается каждый более или менее рукастый мужчина в течение своей жизни: крышу на сарае починить, какие-нибудь балки или забор поправить, траву скосить, какие-нибудь гвозди вбить или вытянуть, дверь навесить, дрова распилить – расколоть, и пр. А завершением всех этих действий был общий обед или ужин, хоть и простецкий, но не в бараке и не из котелка, а в нормальном человеческом доме, с тарелок и за столом, в окружении членов семьи, в основном, конечно, женщин и детей, по которым солдатское сердце уже давно истосковалось. Отношение к немцам было не как к врагам, а как к несчастным людям, попавшим под беспощадные колёса судьбы. Не берусь утверждать, но мне кажется, что подобное отношение в большой степени определялось христианскими догмами, по понятным причинам вновь набравшими огромное влияние именно во время

войны. Немцы - пленные, оборванные, голодные, исхудавшие и понурые - воспринимались как несчастные, бедные и сирые, и поэтому им следовало помочь. Ведь все эти «заказные» работы могли быть с таким же успехом выполнены и несчастными русскими бабами, испокон века привыкшими ко всякой работе и всяческому тяготам, и совсем не обязательно было просить в дом этих пленных. Их брали часто просто из жалости, чтобы те могли немного охолонуть от войны и плена и побыть в нормальной человеческой обстановке, а также немного поесть. Вот эта черта, искони коренящаяся в русском характере, - относиться к поверженным врагам как к страдальцам, забывая всё причинённое ими горе, потрясает. Меня потрясает и по сей день. Тех, кто это испытал на собственной шкуре, тоже потрясает. К сожалению, их остаётся всё меньше и меньше. Поскольку я в силу профессии уже полвека активно вожусь с немцами, у меня есть некоторые документы и высказывания об этой черте русских людей, о чём я писала в одной из статей в сборнике ПетрГУ, и что есть в одной из книг нашего большого друга, ныне покойного, бывшего пастора Пауля- Данкварта Целлера. К нашим пленным и к людям, угнанным с Украины и Белоруссии на работы в Германию, так не относились, рассматривая их в подавляющем большинстве случаев как говорящую скотину.

Вот и наша баба Хима делала такие же заявки, и к нам приходили 3-4 человека из лагеря, вскапывали огород, ремонтировали сарай, но основное время проводили в доме, сидя на этих длинных лавках, разговаривая с нами, рассказывая о своих семьях, показывая фотографии жён и детей, они частенько плакали, сожалея о том, что вообще эта война началась. Играли на губных гармошках, делали мне игрушки. Моя бабушка была образованным человеком, окончившим в своё время царскую гимназию, и поэтому владела немецким и французским языками. Все разговоры шли через неё, а также и с помощью жестов. Я в детстве была хорошенькой девчушкой с белокурыми локонами, очень коммуникабельной, поэтому «гости» обожали со мной играть, а я им пела «Катюшу» («Выходила на берег Катюша...»). Они делали мне из деревяшек разных человечков, нанизывали отдельные их части на тонкие проволочки, и, дёргая за концы этих проволочек, можно было заставить человечков двигаться, хлопать в ладоши, выплясывать что-то ногами. Конечно, это очень нравилось, т.к. обычными игрушками были маленькие куколки, сделанные из тряпок и раскрашенные химическими карандашами. Когда приходили немцы, они радовались тому, что могли поработать в саду, выполняли все поручения очень добротнo, хозяйкам это нравилось. Потом все усаживались за этот большой стол, и баба Хима ставила посередине самый большой чугунок с варёной картошкой в мундире, а вокруг были разнокалиберные миски с квашеной капустой, солёными огурцами и помидорами, наверное, и колбасу она им давала. Потом

пили морковный чай из большого медного самовара, и вот тут и начинались разные разговоры.

В этом доме мы были приняты как свои, как родные. Поскольку мои родители практически отсутствовали, находясь всё время на гастролях, и оставались только мы с бабушкой, у нас не было различия «моё-твое». Я была общим ребёнком и любимицей, все меня баловали, насколько это было возможно. Моя бабушка, до ареста мужа в 1937 г. никогда не работавшая, прекрасно шила, именно этим она и зарабатывала теперь нам на жизнь и на молоко мне. После войны всем захотелось приодеться, прихорошиться, и все из нашего околотка и из других мест города приходили к ней с просьбами сшить что-либо. Денег у людей было мало, купить было нечего, материалов никаких, а бабушка, обладая безошибочным вкусом, умела сделать из ничего конфетку: брала отдельные лоскутья, долго мороковала, складывая их так и этак, потом получалось красивое платье или блузка или ещё что-то. Не случайно именно после войны были в большой моде так называемые комбинированные платья и платья-костюмы. Целый отрез материи было трудно достать, а отдельные куски сохранялись ещё из довоенного времени, или ещё нужно было уметь перешить из старого и сделать что-нибудь новенькое. Шили из носовых платков, из шалей, из занавесок, из мужских брюк, - фантастика! Бабушка всё это умела, и люди платили маслом, хлебом, селёдкой, углём, кто чем. Обеих девушек, дочерей бабы Химы, она обшивала как своих дочерей, они всегда были красиво одеты, а мама привозила им из поездок какие-нибудь небольшие подарки, например, духи, за что семья тоже была нам благодарна.

Спустя длительное время после окончания войны, должно быть, году в 1948, т.к. я помню это событие, вернулся младший сын Василий – дядя Вася. Это был колоссальный праздник – хоть один сын остался в живых. Но ему всё равно не повезло: он был и ранен, и контужен, и поэтому длительное время провалялся по госпиталям, где его каким-то образом восстановили. Он стал работать шофёром, машины в то время вообще были редкостью, и когда он на своей двухтонке, грохоча, въезжал в наш переулок на обед, мы, вся ребятня, с воплями восторга неслись вслед за ним, пока он не останавливался у ворот своего дома. Он уходил обедать, а мы «облизывали» эту машину со всех сторон, она казалась невероятным чудом, и все мне завидовали, т.к. дядя Вася, на правах «племянницы», брал меня иногда прокатиться. Он оказался очень весёлым и «заводным» человеком: в свои выходные он играл со мной, как мальчишка. Мы выгребали весь скарб из шкафов, чтобы там спрятаться, и вообще переворачивали дом вверх дном, но никто не ругался, все только радовались этому шуму, этой весёлой возне и принимали в ней

посильное участие. Мне очень жаль, что вскоре выяснились последствия контузии д. Васи: он страдал безумными головными болями, проявлявшимися как припадки, потерял работу и начал пить. Не знаю, как сложилась дальше его судьба, но, по логике вещей, несладко и несчастливо.

Мой отец, Тадэуш Вячеславович Мергель (псевдоним - Двинский), заболел внезапно, вернувшись из очередных гастролей. Переправляясь зимой по льду через какую-то реку, их грузовик, в кузове которого находилась концертная бригада, провалился под лёд, отец спасся, но, пробыв немалое время в ледяной воде, простудился и почти сразу же слёг надолго в больницу со скоротечной чахоткой. Однако я помню и другие времена, хоть была совсем маленькой: ведь он умер, когда мне было немногим более 3,5 лет. Он был поляк, попал под репрессии, но был выпущен и, помимо работы, занимался тем, что помогал своим соотечественникам в возвращении на родину. Подробностей я не знаю, т.к. у нас в семье после его смерти никогда о нём не говорили, и по какому-то внутреннему табу я тоже ни о чём не спрашивала. Но после войны в Кемерово оказалось много поляков, пытающихся возвратиться из эмиграции в Польшу. Как они оказались в Китае – Шанхае и Харбине, не знаю, видимо, каждый по произволу своей судьбы, но возвращаться они начали очень большими группами. В городе их так и называли – «шанхайцы». И отец встречал их, помогал оформлять документы для дальнейшего проезда, приискивал для них жилище, работу на какое-то время, пока они не получали документов, чтобы двинуться дальше и пр. Я превосходно помню разные помещения, где было полно народу, помню некоего дядю Фортуната, помню, как меня передавали с колен на колени и угощали или ласкали или слушали, как я пою и декламирую (меня всему этому учила бабушка, она занималась со мной невероятно много). В городе составила целая «шанхайская» диаспора, в нашем, по тем временам шикарном, кинотеатре «Москва» играл джаз-оркестр из Шанхая. Мама познакомила т. Люлю и т.Таню с музыкантами, и именно за одного из них т. Люля и вышла замуж. Через Кемерово возвращался в Россию и знаменитый Вертинский. С документами существовало много сложностей, и «шанхайцам» приходилось долго ждать и жить в Кемерово не один год, в результате чего многие вообще там осели. Сначала они продавали всё, что у них было, вплоть до самых мелочей, и всё находило сбыт и давало прибыль, т.к. у нас тогда вообще ничего не было, а о многих вещах наши жители и представления не имели. А потом, когда у переселенцев уже ничего не осталось, женщины стали изготавливать всякие хорошенькие безделушки: цветочки, райских птичек на шляпки, это было тогда в великой моде, какие-то игрушки для детей,

вышивали платочки, блузки и пр., так и пробивались. Что стало с ними потом, когда уже не было отца, оказывал ли им кто-нибудь другой помощь, я, конечно, не знаю.

В течение моей жизни меня часто спрашивали и немцы, и наши, почему я выбрала немецкий язык в качестве специальности. Я не знаю, почему. Отвечала всегда как-то, отшучивалась. В то время ещё сохранялось довоенное представление о немецком как о языке образованных людей, без которого нельзя ни хорошую беллетристику, ни научную литературу прочесть. Кроме того, как я уже упоминала, моя бабушка знала немецкий, это тоже как-то повлияло. Да и вообще, никто ни о чём не спрашивал при выборе языка. Преподавание немецкого начиналось с 5-го класса. Для меня это было время, когда мы сдали экзамены за начальную школу, и нашу женскую школу объединили с мужской. И пришла «немка», и мы стали учить немецкий. Правда, она была немка без кавычек, настоящая, немка по национальности, должно быть, из сосланных в Сибирь в результате репрессий. Вот и всё, и никаких проблем с выбором. Но при очередном вопросе на эту тему мне всегда вспоминается колючая проволока и люди за ней. И как радостно, с громкими песнями и развёрнутыми красными знамёнами они маршировали на вокзал, когда их начали отправлять на родину, в Германию.

И ещё одно, о чём редко говорю я и, наверное, редко говорят и другие: война оказала на меня огромное воздействие. Всё детство, вплоть до 12-13 лет, я была совершенно твёрдо убеждена в том, что это ещё не конец, что война вскоре опять вспыхнет и что потребуются новые люди для защиты нашей страны. И с малых лет я готовилась в партизаны. Как это выражалось? Я старалась учиться не реагировать на боль, потому что понимала, что нужно будет выдержать допросы и никого не выдать. Поэтому, когда я разбивалась – а это случалось регулярно и довольно основательно – я не плакала, не жаловалась, а шла к бабушке и просила намазать мазью её собственного изготовления, которая всех нас всегда спасала в нужных случаях. Спала я всегда на чём-то жёстком (на полу, на полотах, на досках), спала мало и всегда вполуха, чтобы никто не застал врасплох. Ела, что дают, без разбора, не кочевряжась и без всех этих «не люблю», «не хочу». Много работала по дому, не гнушаясь никакой работой. Никогда не сплетничала, не занималась пустословием, строго себя контролируя и даже иногда раздражая маму молчанием. Всегда вступалась за других, даже когда это было не совсем безопасно (правда, должна признаться, что это удавалось не на 100%, были случаи малодушия с моей стороны, за что и до сих пор себя грызу). И была очень рада, что учу немецкий, т.к. в моих представлениях врагами могли быть только немцы (немцам, с которыми мне доводилось общаться, я об этом, конечно, никогда не говорила). Но ведь надо знать язык врага, это было ясно. И ещё я с юности

решила, что не буду иметь детей, т.к. они могли стать и часто становились заложниками в разных ситуациях, когда надо было либо молчать, либо развязывать язык им во спасение. Вот об этом аспекте войны я как-то никогда нигде не читала. Интересно, много ли в нашей стране людей, которые поступали таким же образом? Это можно было бы обозначить как «отдалённые последствия войны». Наверное, недаром мне раньше часто, а теперь, правда, всё реже и реже снятся во сне концентрационные лагеря со всеми их ужасами и с чёрным дымом газовых камер. И нас, относящихся к поколению 1945 г., отличает от других и количество (нас мало), и состав (в основном, женщины). Я всю жизнь провела почти исключительно в женских коллективах: и в школе, и в институте, и на работе, и на всяческих курсах повышения квалификации.

Сейчас, следя за событиями в мире, я с ужасом думаю, что не напрасно готовилась к войне, только теперь я, к сожалению, смогу пригодиться в лучшем случае лишь в тылу. В отличие от всех предыдущих больших войн, начиная с 1812 г., теперь уже наверняка потребуются не партизаны, а хакеры.

Валентина Тадэушевна Двинская,
кандидат филологических наук, доцент,
специальность – германистика

4 мая 2015 г.